ГРНТИ 14.29.00+14.01.00+14.39.00
УДК 376.3+37.018.1+34.03
ВАК 5.8.1.

Костышин Никита Александрович ✉
студент 3 курса
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А.Бунина»
г. Елец, Россия
✉ *E-mail: nikitka.kostyshin@mail.ru*

Костышина Ольга Николаевна
преподаватель, кандидат педагогических наук
МБОУ «Лицей № 1» города Усмани Усманского муниципального округа Липецкой области имени Героя Советского Союза Б. А. Котова
г. Усмань, Россия
E-mail: kostyshina1975@mail.ru

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: СУДЕБНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ В СИСТЕМЕ «СЕМЬЯ – ШКОЛА – ГОСУДАРСТВО»

Аннотация: Статья посвящена анализу судебных механизмов защиты права детей с ограниченными возможностями здоровья на инклюзивное образование. Цель работы – на материале конкретных судебных дел выявить, какие типы нарушений в этой сфере встречаются на практике и какими правовыми средствами семья вправе им противодействовать. Проведён контент-анализ двух судебных решений – по спору о законности заключений психолого-медико-педагогической комиссии и по делу о создании безбарьерной среды в дошкольном образовательном учреждении, – дополненный анализом практики Европейского суда по правам человека. Новизна работы состоит в разграничении двух самостоятельных типов нарушений права на инклюзию – процедурного, связанного с работой комиссии, и инфраструктурного, связанного с физической доступностью образовательной организации, – каждый из которых требует различного способа судебной защиты и различной роли семьи в процессе. Статья адресована исследователям права, юристам, представляющим семьи детей с ОВЗ, и специалистам органов управления образованием

Ключевые слова: инклюзивное образование, право на образование, семья, психолого-медико-педагогическая комиссия, безбарьерная среда, дети с ограниченными возможностями здоровья, судебная защита.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).
The content is available under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY 4.0).

Для цитирования: Костышин, Н. А. Инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями здоровья: судебные механизмы защиты прав в системе «Семья – Школа – Государство» / Н. А. Костышин, О. Н. Костышина // Семья и школа в год единства народов России: преемственность поколений и сохранение культурных традиций : сб. трудов Международной науч.-практ. конф. (9-10.10.2026 г., Ижевск) / под общ. ред. Н. Н. Деевой. – Ижевск : Институт развития образования им. К. Д. Ушинского, 2026. – С. 502-513. https://doi.org/10.5281/zenodo.23286734

Введение. Гарантия общедоступности образования, закреплённая в статье 43 Конституции Российской Федерации, не содержит исключений по признаку состояния здоровья [1, ст. 43]. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» конкретизирует эту гарантию применительно к обучающимся с ограниченными возможностями здоровья, обязывая создавать для них специальные условия на основании заключения психолого-медико-педагогической комиссии [3, ст. 2, п. 16; ст. 79]. Нормативная модель тем самым выстроена достаточно последовательно. Проблема заключается не в отсутствии правил, а в механизме, который приводится в действие лишь тогда, когда правило нарушено, и приводит его в действие, как правило, семья – путём обращения в суд.

Научная проблема настоящей работы формулируется следующим образом: нарушения права на инклюзивное образование неоднородны по своей правовой природе, однако в литературе они зачастую рассматриваются как единое явление, без разграничения способов защиты, соответствующих разным типам нарушения. Между тем ошибка комиссии при определении образовательного маршрута ребёнка и отсутствие пандуса в здании образовательной организации – принципиально разные по механизму возникновения и по способу устранения нарушения, требующие разных исковых конструкций и разного участия семьи в процессе. Новизна предлагаемого

подхода состоит в том, что на материале двух контрастных судебных дел выделяются два самостоятельных типа нарушений – процедурный и инфраструктурный, – и показывается, что для каждого из них закон предусматривает собственную логику защиты: в первом случае истцом выступает сам ребёнок или его законный представитель, оспаривающий индивидуальный акт, во втором – чаще прокурор, действующий в интересах неопределённого круга лиц и понуждающий к исполнению публичной обязанности.

Семейный кодекс наделяет родителей правом выступать защитниками прав и интересов своих детей во всех учреждениях, включая суд, без специального полномочия [2, ст. 64], и эта норма служит правовой основой того, что именно семья принимает на себя функцию инициатора судебного разбирательства. Параллельно с отечественной практикой существует опыт Европейского суда по правам человека, где вопрос о пределах государственного обязательства обеспечивать инклюзию рассматривался неоднократно и получил развитие в деле G. L. против Италии [5].

Целью работы является выявление и систематизация правовых механизмов, посредством которых семья реализует и защищает право ребёнка на инклюзивное образование, на основании анализа судебной практики. Задачи включают: разграничение процедурного и инфраструктурного типов нарушений; анализ конкретных судебных решений с точки зрения повторяющихся ошибок правоприменителя; сопоставление отечественного подхода с практикой Европейского суда по правам человека. Объектом исследования выступают правоотношения между семьёй, образовательной организацией и государством по поводу реализации права ребёнка с ограниченными возможностями здоровья на образование. Предметом – нормы права и правоприменительная практика, регулирующие данные отношения.

Работа представляет собой пилотное качественное исследование, построенное на нормативно-правовом и сравнительно-правовом методах. Нормативный анализ опирается на положения Конституции Российской Федерации [1, ст. 43], Семейного кодекса [2, ст. 56, 64] и Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [3, ст. 2, 55, 79].

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили два судебных решения, отобранных по критерию контрастности нарушения: решение Тверского районного суда города Москвы от 18 июня 2021 года по делу №2-1345/2021, касающееся законности заключений психолого-медико-педагогической комиссии [4], и решение Зерноградского районного суда Ростовской области от 10 марта 2025 года по делу №2-385/2025, касающееся обязанности создать безбарьерную среду в дошкольном учреждении [6]. Дела относятся к разным регионам и разным периодам, что позволяет говорить не о единичном инциденте, а о повторяющемся типе спора, однако выборка из двух дел не даёт оснований для статистических обобщений – исследование носит иллюстративный, пилотный характер и подлежит расширению в дальнейшей работе за счёт материалов иных регионов и более протяжённого периода. Дополнительно привлечён анализ практики Европейского суда по правам человека по делу G. L. против Италии, доступный в официальной базе HUDOC [5], а также научные публикации о роли семьи в инклюзивном образовании [7, с. 152; 8, с. 220; 10, с. 264] и о праве на инклюзивное образование как самостоятельном субъективном праве лица с инвалидностью [9, с. 539].

Метод контент-анализа судебных решений применялся для выделения повторяющихся оснований признания нарушений: неполноты состава комиссии, ненадлежащего уведомления, бездействия при отсутствии бюджетного финансирования. Сравнительно-правовой метод использован при сопоставлении российского подхода с позицией Европейского суда по правам человека относительно пределов государственного усмотрения в организации инклюзивного образования.

Результаты. Прежде чем переходить к анализу дел, необходимо развести смежные, но не тождественные понятия, которыми оперирует законодательство. «Ребёнок-инвалид» – статус, устанавливаемый учреждением медико-социальной экспертизы и связанный с оценкой ограничений жизнедеятельности [3, ст. 79]. «Обучающийся с ограниченными возможностями здоровья» – самостоятельный образовательный статус, устанавливаемый психолого-медико-педагогической комиссией и означающий, что физическое лицо имеет недостатки развития, подтверждённые комиссией и препятствующие получению образования без создания

специальных условий [3, ст. 2, п. 16]. Ребёнок может иметь один из этих статусов, оба одновременно либо ни одного – это влияет на то, какой орган и по какой процедуре определяет для него условия обучения. Наконец, «лицо с инвалидностью» – более широкое понятие, применяемое в контексте международно-правовых актов и российского законодательства о социальной защите инвалидов [6]. Смешение этих категорий в тексте нормативного или судебного акта способно исказить основания требований, поэтому их разграничение имеет не терминологическое, а содержательное значение.

Заключение психолого-медико-педагогической комиссии не является актом, порождающим права и обязанности комиссии в отношении третьих лиц, – оно не относится к числу распорядительных актов в строгом смысле. Вместе с тем его практическое значение велико: именно на основании заключения комиссии определяется форма получения образования, включая форму государственной итоговой аттестации, и в этом смысле заключение существенно влияет на образовательный маршрут ребёнка, хотя формально и не является обязывающим предписанием для школы в отрыве от решения самой образовательной организации и согласия родителей. Данное уточнение принципиально: ошибка комиссии не создаёт автоматически неблагоприятных правовых последствий, но de facto определяет, какими образовательными возможностями ребёнок будет пользоваться, – и именно поэтому такая ошибка подлежит самостоятельному судебному оспариванию.

Материал двух исследованных дел позволяет разграничить два типа нарушений – процедурный и инфраструктурный. Ключевые характеристики обоих споров систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика судебных споров, связанных с нарушением права детей с ограниченными возможностями здоровья на инклюзивное образование

Критерий	Дело №2-1345/2021 (Тверской районный суд)	Дело №2-385/2025 (Зерноградский районный суд)
Тип нарушения	Процедурный	Инфраструктурный

Предмет спора	Признание недействительными заключений ЦПМПК об отказе в создании специальных условий ГИА	Возложение обязанности оборудовать здание детского сада средствами доступности для инвалидов
Истец	Лицо, чьи права нарушены, действующее через законного представителя	Прокурор в интересах неопределённого круга лиц
Ответчик	Центральная психолого-медико-педагогическая комиссия	Муниципальное образовательное учреждение
Ключевое основание удовлетворения иска	Обследование проведено без надлежащего состава специалистов и уведомления заявителя	Отсутствие доводчиков дверей и тактильной мнемосхемы, установленное актом проверки
Довод ответной стороны	Заключение вынесено в пределах компетенции комиссии	Отсутствие бюджетного финансирования
Итог рассмотрения	Иск удовлетворён, заключения признаны недействительными	Иск удовлетворён, установлен восьмимесячный срок исполнения

Источник – составлено авторами.

Разграничение, представленное в таблице 1, показывает, что выбор истца – не техническая деталь, а следствие правовой природы нарушения. Там, где страдает индивидуальный образовательный статус конкретного лица, право на иск логично принадлежит этому лицу или его законному представителю. Там, где нарушение носит объективный, безадресный характер – отсутствие доступной среды затрагивает любого потенциального обучающегося или посетителя с инвалидностью, а не конкретного истца, – процессуальная инициатива закономерно переходит к прокурору, поскольку персонифицированного пострадавшего на момент проверки может не быть вовсе.

Анализ дела №2-1345/2021 обнаруживает совокупность процедурных нарушений, каждое из которых по отдельности могло бы показаться формальностью, но в совокупности лишает заключение комиссии доказательственной силы. Суд установил, что заключение от 23 января 2019 года вынесено без проведения обследования

заявителя [4, с. 3], а заключение от 8 мая 2019 года принято в отсутствие врача-офтальмолога – притом что именно нарушение зрения выступало основанием обращения [4, с. 4]. Это показывает устойчивую закономерность: комиссия, действующая в отсутствие профильного специалиста, не в состоянии дать содержательную оценку состоянию ребёнка независимо от полноты представленных документов, и отсутствие такого специалиста само по себе является самостоятельным, достаточным основанием для признания заключения необоснованным – не требующим дополнительной проверки существа выводов. Отсутствие в материалах дела подробной выписки из истории развития ребёнка усиливает этот вывод [4, с. 5]: без узкопрофильного специалиста и без полного пакета документов комплексный характер обследования, требуемый Положением о ПМПК, оказывается недостижим в принципе, а не в силу случайного стечения обстоятельств. Для семьи, оспаривающей подобное заключение, из данного дела следует практический вывод: предметом доказывания должен становиться прежде всего состав комиссии и перечень фактически представленных ей документов, а не содержательная оценка выводов, которую суд, не обладающий специальными познаниями, оценивать не вправе.

Дело №2-385/2025 демонстрирует иной механизм нарушения – не единичное процедурное упущение, а длящееся неисполнение публичной обязанности. Актом проверки установлено отсутствие доводчиков дверей, соответствующих ГОСТ Р 56177, и тактильной мнемосхемы в здании детского сада [6, с. 1]. Показательно, что ответчик признал иск полностью, а спор фактически свёлся к вопросу о сроке исполнения – администрация муниципального образования настаивала на увеличении срока с восьми до двенадцати месяцев со ссылкой на отсутствие бюджетных средств в размере 92 600 рублей [6, с. 2]. Суд отклонил этот довод, указав, что отсутствие денежных средств в местном бюджете не освобождает ответчика от исполнения обязанности по соблюдению требований законодательства [6, с. 3]. Данный вывод раскрывает общий принцип, применимый далеко за пределами конкретного дела: бюджетное ограничение – обстоятельство, которое может быть учтено при определении разумного срока исполнения решения, но не может выступать основанием для отказа в удовлетворении иска как такового. Иными словами, отсутствие финансирования смещает временные

рамки исполнения обязанности, но не отменяет саму обязанность – и суды, судя по данному делу, последовательно проводят эту грань.

Обсуждение. Сопоставление обоих дел с практикой Европейского суда по правам человека обнаруживает содержательную параллель именно в вопросе о значении бюджетных ограничений. В деле G. L. против Италии Европейский суд установил, что итальянские власти в течение двух учебных лет не обеспечивали девочке с расстройством аутистического спектра помощь тьютора, притом что соответствующее право было прямо предусмотрено национальным законодательством [5]. Суд признал это нарушением статьи 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод во взаимосвязи со статьёй 2 Протокола №1, отметив, что любые бюджетные ограничения должны затрагивать образовательные возможности детей с инвалидностью и без неё в равной мере, а не приводить к снижению уровня поддержки исключительно для первой категории обучающихся [5]. Логика, применённая Зерноградским районным судом при отклонении довода об отсутствии финансирования [6, с. 3], содержательно совпадает с этим принципом, хотя и выработана независимо, в рамках сугубо национального регулирования доступной среды: недостаток бюджетных средств признаётся обстоятельством, влияющим на срок исполнения обязанности, но не на само её существование.

Научная литература о взаимодействии семьи и школы в условиях инклюзии подтверждает наблюдение, вытекающее из обоих дел: эффективность защиты права ребёнка напрямую зависит от готовности семьи выступать не пассивным получателем образовательной услуги, а активным участником процесса – от инициирования обследования до обращения в суд [8, с. 219]. Право на инклюзивное образование рассматривается в литературе как самостоятельное субъективное право лица с инвалидностью [9, с. 540], а типичными проблемами реализации инклюзии на стыке семьи и школы называются недостаточная методическая подготовка педагогов и разрыв между декларируемыми и фактическими условиями обучения [10, с. 265] – оба этих наблюдения находят прямое подтверждение в проанализированных делах: в первом случае разрыв проявился в процедуре, во втором – в материальной обеспеченности образовательной среды.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Разграничение нарушений права на инклюзивное образование по двум типам – процедурному и инфраструктурному – оправдывает себя на материале обоих рассмотренных дел: каждый тип требует собственной исковой конструкции и собственного круга доказывания, смешивать их при построении защиты нецелесообразно.

2. Заключение психолого-медико-педагогической комиссии не следует характеризовать как распорядительный акт в строгом смысле, однако его практическое влияние на образовательный маршрут ребёнка достаточно велико, чтобы обоснованность и процедурная чистота такого заключения подлежали самостоятельной судебной проверке.

3. Отсутствие в составе комиссии профильного специалиста и неполнота представленных документов образуют самостоятельное, достаточное основание для признания заключения необоснованным – независимо от содержательной оценки выводов комиссии, которая суду недоступна ввиду отсутствия у него специальных познаний.

4. Бюджетное ограничение способно влиять на срок исполнения обязанности по созданию доступной среды, но не освобождает образовательную организацию от самой обязанности; эта позиция российских судов согласуется с подходом Европейского суда по правам человека, требующим равномерного распределения последствий недостатка ресурсов между обучающимися с инвалидностью и без неё.

5. Выбор процессуального истца – самого заинтересованного лица либо прокурора – закономерно определяется характером нарушения: адресным в случае процедурных дефектов и безадресным, системным в случае инфраструктурных.

6. Семья выступает не вспомогательным, а системообразующим элементом механизма защиты права на инклюзию, поскольку административный самоконтроль комиссий и образовательных организаций, как показывают оба дела, включается лишь после внешнего обращения.

7. Исследование носит пилотный характер, и расширение эмпирической базы за счёт судебных решений иных регионов и более продолжительного периода представляет собой самостоятельное направление дальнейшей работы.

Литература и информационные источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 29.08.2026)

Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). *Official Internet Portal of Legal Information*. (In Russ.) URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (accessed: 29.08.2026)

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 29.08.2026)

Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (ed. of 23.03.2026). *Sobranie zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 1, art. 16. (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed: 29.08.2026)

3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 29.08.2026)

Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” (ed. of 04.08.2026). *Sobranie zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (part 1), art. 7598. (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: 29.08.2026)

4. Решение Тверского районного суда города Москвы от 18.06.2021 по делу № 2-1345/2021. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/cases/docs/content/71438ca0-f53b-11eb-843a-593b2b8b196e (дата обращения: 29.08.2026)

Decision of the Tverskoy District Court of Moscow of 18.06.2021 in case No. 2-1345/2021. (In Russ.) URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/cases/docs/content/71438ca0-f53b-11eb-843a-593b2b8b196e (accessed: 29.08.2026)

5. G.L. v. Italy, no. 59751/15, ECtHR, 10 September 2020. *HUDOC, European Court of Human Rights*. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-204685 (accessed: 29.08.2026)

6. Решение Зерноградского районного суда Ростовской области от 10.03.2025 по делу № 2-385/2025 (УИД 61RS0033-01-2025-000200-55). URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-d0275cd3-c3b1-58ca-8cd7-14363afb6847/ (дата обращения: 29.08.2026)

Decision of the Zernogradsky District Court of the Rostov Region of 10.03.2025 in case No. 2-385/2025. (In Russ.) URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-d0275cd3-c3b1-58ca-8cd7-14363afb6847/ (accessed: 29.08.2026)

7. Джамалова М.С. Инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями здоровья: роль семьи, методы и успешные практики в общеобразовательной школе // Молодой исследователь 2025: сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 апреля 2025 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2025. С. 151–154. https://elibrary.ru/etvghh

Dzhamalova M.S. (2025). Inclusive education of children with disabilities: the role of the family, methods and successful practices in a general education school. *Molodoi issledovatel' 2025: sbornik statei X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Young Researcher 2025: collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference]. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., pp. 151-154. (In Russ.) https://elibrary.ru/etvghh

8. Михолап Д.А., Михолап М.А. Взаимодействие семьи и школы в контексте инклюзивного образования // Педагогическая реальность дошкольного и начального образования: вызовы времени: материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 14 марта 2025 года. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2025. С. 218–223. https://elibrary.ru/fpsixq
Mikholap D.A., Mikholap M.A. (2025). Interaction of family and school in the context of inclusive education. *Pedagogicheskaya real'nost' doshkol'nogo i nachal'nogo obrazovaniya: vyzovy vremeni: materialy II Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Pedagogical reality of preschool and primary education: challenges of the time: proceedings of the II All-Russian Student Scientific and Practical Conference]. Khabarovsk, Pacific State University Publ., pp. 218-223. (In Russ.) https://elibrary.ru/fpsixq
9. Хайдарова Х. Право на инклюзивное образование как субъективное право лиц с инвалидностью // Scienceproblems.uz. 2025. Vol. 5. No. 2. P. 537–542. https://doi.org/10.47390/spr1342v5i2y2025n85, https://elibrary.ru/nrxzsq
Khaidarova Kh. (2025). The right to inclusive education as a subjective right of persons with disabilities. *Scienceproblems.uz*, vol. 5, no. 2, pp. 537-542. https://doi.org/10.47390/spr1342v5i2y2025n85, https://elibrary.ru/nrxzsq
10. Халимова М.Р., Рахимова К.М. к. Инклюзивное образование в школе и семье: основные проблемы и пути их решения // Новые решения в образовании в эпоху перемен: материалы V научно-практической студенческой конференции, Москва, 29 ноября 2024 года. Москва: Известия института педагогики и психологии образования, 2024. С. 262–266. https://elibrary.ru/gwlwtd
Khalimova M.R., Rakhimova K.M. k. (2024). Inclusive education in school and family: main problems and ways to solve them. *Novye resheniya v obrazovanii v epokhu peremen: materialy V nauchno-prakticheskoi studencheskoi konferentsii* [New solutions in education in an era of change: proceedings of the V Scientific and Practical Student Conference]. Moscow, Izvestiya instituta pedagogiki i psikhologii obrazovaniya Publ., pp. 262-266. (In Russ.) https://elibrary.ru/gwlwtd

GRNTI 14.29.00+14.01.00+14.39.00
UDC 376.3+37.018.1+34.03
VAK 5.8.1.

Kostyshin Nikita A.
3rd-year student of the Faculty of Law
Yelets State University named after I.A. Bunin,
Yelets, Russia
E-mail: nikitka.kostyshin@mail.ru

Kostyshina Olga N.
teacher, Candidate of Pedagogical Sciences
Lyceum No. 1 of Usman, Lipetsk Oblast
Usman, Russia
E-mail: kostyshina1975@mail.ru

INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES: JUDICIAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF RIGHTS IN THE FAMILY–SCHOOL–STATE SYSTEM

Abstract. The article examines judicial mechanisms for protecting the right of children with disabilities to inclusive education. The authors proceed from the premise that violations in this sphere are heterogeneous in legal nature yet are treated in the literature as a single phenomenon, without differentiation of the remedies applicable to different types of violation. The study aims to identify and systematise the legal mechanisms through which the family realises and protects the child's right to inclusion, on the basis of an analysis of judicial practice. The methodological framework comprises normative-legal and comparative-legal methods

together with content analysis of court decisions; the normative base includes the Constitution of the Russian Federation, the Family Code and the Federal Law “On Education in the Russian Federation”. The empirical base consists of two contrasting judicial acts: the decision of the Tverskoy District Court of Moscow of 18 June 2021 in case No. 2-1345/2021 on the lawfulness of conclusions issued by a psychological, medical and pedagogical commission, and the decision of the Zernogradsky District Court of Rostov Oblast of 10 March 2025 in case No. 2-385/2025 on the creation of a barrier-free environment in a preschool institution; the case of G. L. v. Italy (European Court of Human Rights, 2020) is analysed additionally. The novelty of the study lies in distinguishing two independent types of violation: procedural, linked to the commission’s work, and infrastructural, linked to the physical accessibility of the educational institution. Each type is shown to require its own claim construction and its own scope of proof, while the choice of procedural claimant – the interested person or the prosecutor – is determined by the nature of the violation: targeted in the first case and non-targeted, systemic in the second. The absence of a relevant specialist on the commission and the incompleteness of the submitted documents are shown to constitute an independent and sufficient ground for declaring the conclusion unfounded, whereas the lack of budgetary funding affects only the time limit for fulfilling the obligation without releasing the institution from it; this position accords with the approach of the European Court of Human Rights. It is concluded that the family acts as a system-forming element of the protection mechanism, since administrative self-monitoring by commissions and educational institutions is triggered only after an external appeal. The authors note the pilot nature of the study and the need to expand the empirical base.

Keywords: inclusive education, right to education, family, psychological-medical-pedagogical commission, barrier-free environment, children with disabilities, judicial protection.